

В отличие от своей воодушевленной матери, Хуань Мошэн был физически и морально истощен. Он не увлекался властью, деньгами... Однако последствия их отсутствия он уже испытал на себе.

Он закрыл глаза, затем снова открыл их, и, глядя на свою мать, уже принял решение:

— Понял.

— Ты... — Госпожа Хуань насмешливо сказала, — Слишком поздно, не так ли? Тебе следовало слушать меня раньше.

Терминал завибрировал.

[Она говорит странно.

Почему?

Мачеха?]

Хуань Мошэн чуть не засмеялся.

Даже русалка видит ее злобу?

Оставив госпожу Хуань, он отошел в более уединенное место:

— Она несчастна, сделала нелюбимый выбор, чтобы родить меня, поэтому и ненавидит меня. На самом деле, я могу понять, почему она хочет, чтобы я стал таким, как она.

Банкет продолжался в атмосфере роскоши, мужчины, женщины, презрительные улыбки, маски, качающиеся при ходьбе.

Это мир, который он должен был принять на себя, кошмар, ставший реальностью, вернулся.

Хуань Мошэн смотрел на все это, спускаясь по лестнице, чтобы присоединиться к ним.

Он собирался стать таким же лицемерным политиком, как его отец и дед, отказавшись от всего прошлого... кроме Бай Синхэ.

Терминал снова завибрировал, но он больше не смотрел на ответ Бай Синхэ.

Хань Мошэн подошел и начал непринужденно беседовать с одним из мужчин.

...

Наступила ночь. Бай Синхэ уснул рядом с тусклым светящимся экраном.

Он не мог ходить, поэтому полагался на электронные устройства, что требовало больших усилий. Самостоятельно научившись управлять инвалидным креслом и включать горячую воду в ванной, он принял душ и с трудом забрался в кровать.

Можно спать.

Хотя он ничего не делал, тело чувствовало усталость.

Спи.

Бай Синхэ утешал себя, но едва коснулся подушки, как почувствовал, что кто-то вошел в комнату.

Дверь ванной открылась и закрылась, и вскоре мужчина забрался в кровать.

— Волосы еще мокрые, — рука мужчины коснулась его волос, шепча на ухо, — Ты уснул, не дождавшись меня?

Кто знает, когда он вернется...

Бай Синхэ перевернулся, вынужденно набирая на экране: [Не шуми, я сплю, что ты делаешь?]

Мужчина даже не взглянул на экран, отбросив его в сторону, говоря что-то невпопад:

— Ты привык к мокрым волосам, потому что ты русалка... Хотя сейчас ты уже не такой.

Во время разговора Бай Синхэ почувствовал запах алкоголя, и не только это, ряд влажных поцелуев поднялся по его спине, прерывисто дойдя до шеи. Он вынужден был, как кошка, которую ласкают, сдерживать дрожь и толкать мужчину.

Хань Мошэн остановился, обняв его еще крепче:

— Что?

Бай Синхэ сопротивлялся все сильнее. Видя, что тот вот-вот рассердится, Хань Мошэн отпустил его:

— Не буду тебя дразнить.

Бай Синхэ спрятался под одеялом, больше не желая с ним разговаривать.

Хань Мошэн улыбнулся и снова открыл терминал.

Сначала появились заметки, затем переписка с Бай Синхэ.

Последний диалог на банкете, который он проигнорировал.

[Ты не станешь таким человеком~]

Наивная русалка.

Только Бай Синхэ мог так думать.

Но где есть цель, там есть амбиции, они больше не смогут жить прежней жизнью.

Он отложил терминал и снова заговорил с Бай Синхэ:

— Ты здесь привык? — Затем добавил, — Забыл, ты не можешь говорить.

Хань Мошэн достал светящийся экран, брошенный на пол, и сунул его под одеяло.

Спрятавшийся человек не спешил отвечать.

— Ты злишься? — Он откинул одеяло, извиняясь, — Прости, я выпил сегодня вечером, поэтому...

Тишина, ответом ему было тяжелое, прерывистое дыхание под одеялом.

Хань Мошэн внезапно почувствовал неладное и быстро включил свет.

— Ты заболел? Только что все было нормально, может, нужно...

Он схватил Бай Синхэ, который пытался закрыть лицо рукой и не вылезал из-под одеяла, и, удерживая его за руки, увидел его состояние, внезапно замолчал.

Казалось, он страдает.

Нахмуренные брови, глаза, полные слез, губы приоткрыты, обнажая алый кончик языка.

Прерывистое дыхание, грудь поднималась и опускалась.

Он провел рукой вниз.

... Действительно.

Но беспомощный и отвергающий взгляд Бай Синхэ говорил ему: нет.

— У тебя период спаривания, — Хань Мошэн наклонился, глядя на него, — Почему не хочешь?

Щека к щеке.

Бай Синхэ был в полузабытьи, его ласкали руки.

Поцелуи мужчины падали на его лицо, губы, затем опускались ниже.

— Нельзя.

В хаосе Бай Синхэ написал на его теле эти два слова.

Хань Мошэн низким голосом спросил:

— Почему?

Потому что он больше не рыба.

Если бы Бай Синхэ все еще был русалкой, Хань Мошэн мог бы делать с ним все, что угодно, в конце концов... этот человек был одержим рыбами.

Но теперь он больше не рыба.

Бай Синхэ был настоящим человеком, с ногами, без чешуи, никто не мог увидеть в нем следов рыбы.

С того момента, как он решил принять человеческий облик, этот этап подошел к концу, его связь с Хань Мошэном тоже закончилась, лишние контакты были неуместны.

Хотя сейчас он страдал.

Бай Синхэ никогда не знал, что период спаривания у животных так мучителен: повышение температуры, физиологические реакции, и, что хуже всего, желание, чтобы кто-то пришел и утешил его... например, человек, лежащий сейчас на кровати.

— Хотя ты больше не русалка, но ты все еще подвержен влиянию человеческих привычек и вовремя вступаешь в период спаривания весной?

Они были близко, их дыхание смешивалось, тело Хань Мошэна прижималось к нему, и он чувствовал, что у того тоже появилось желание. Если бы не тон, напоминающий научный отчет, Бай Синхэ, возможно, поддался бы.

Хань Мошэн никогда не считал его человеком.

С разочарованием Бай Синхэ с трудом протянул руку, нашел под одеялом светящийся экран и написал: [Не буду, пойду в ванную].

Выражение лица Хань Мошэна стало сожалеть:

— Ты сможешь сдержаться?

Что за...

Измученный русалка был мягким, как вода, но все еще скрипел зубами, беззвучно бормоча. Наверное, ругал Хань Мошэна, что тот и сам мог предположить.

— Не знаю, почему ты отказываешься, может, боишься заниматься сексом? — Вытащив русалку из мягкого одеяла, он почувствовал, как его шею обжигает прерывистое дыхание и стоны Бай Синхэ.

Русалка сжимал пальцы, дрожа всем телом.

Он сдерживался, русалка боролся со своими инстинктами.

Такой Бай Синхэ становился все больше похож на сдержанного человека.

Бай Синхэ лежал в холодной воде, а Хань Мошэн сидел рядом с ванной — наблюдал за происходящим с интересом.

— Тебе правда не нужна моя помощь?

Очень многозначительные слова.

Недостаток возможности говорить снова проявился, Бай Синхэ дрожащими пальцами набрал в голосовой программе: [Я не невинный мальчик, я сам справлюсь, уходи].

Механический голос четко произнес приказ об уходе, но мужчина остался на месте, подперев подбородок, с интересом наблюдая, как русалка краснеет в воде:

— Период спаривания русалок длится месяц, если только не наступит беременность, иначе... русалки без партнера и спаривания будут страдать.

Бай Синхэ быстро набрал: [Ложь, ты читал поддельные книги].

— Ты прав, только практика дает истину.

— ... Но я не буду.

— Не заставляю, но... если захочешь, можешь связаться со мной.

Боже, эти слова звучали так, будто они были друзьями с benefits.

Бай Синхэ чуть не потерял сознание: [Заткнись!]

— Ладно, играй сам, позже я найду и вынесу тебя отсюда. — Хань Мошэн наклонился, внимательно разглядывая покрасневшее лицо юноши, — Ты такой милый.

— ... Уходи!

— Понял. — Хань Мошэн щипнул его за щеку и медленно вышел.

Когда в ванной раздались смутные звуки, Хань Мошэн сел на кровать и закурил.

Его мысли блуждали.

Русалка сказал: «Я не невинный мальчик».

Может, русалка раньше видел, как его сородичи спариваются?

Значит, русалки действительно существуют в этом мире, а Бай Синхэ — случайно покинувший речные глубины...

Когда стрелки часов показали 2, звуки воды в ванной постепенно стихли. Хань Мошэн потушил сигарету, подошел к двери и позвал несколько раз, но ответа не последовало.

— Ты... правда в порядке?

<http://bllate.org/book/16168/1449304>